Предисловие

Книга «По волнам судьбы» написана не профессиональным писателем. Это – книга воспоминаний нашего отца, Василия Прокофьевича Запорожцева, потомка, по семейному преданию, старинного казачьего рода Сулиных, глава которого Семён Никитич Сулин был наказным атаманом Войска Донского в 1773-1774 годах. В повествовании отражены жизнь и быт большой донской казачьей станицы низовья Дона с её историей, обычаями, традициями, фольклором, семейными радостями и горестями, праздниками и буднями. В этой книге исторические события и выступления исторических лиц – не обзор учёного-историка, а глаза и уши простого, рядового наблюдателя. Как главный герой её, так и остальные персонажи, за очень незначительным исключением - простые люди. Мало их осталось в живых, но живы их дети и внуки. Правда, отец изменил имена многих действующих лиц, кроме исторических. Сделал он это, по-видимому, из этических соображений. Изменил он и своё имя. В книге он фигурирует как Андрей Черкасов, главный герой произведения. Отец не стремился специально выразить какое-то идейное содержание. Он говорил: «Идею мне подсказала сама жизнь», - и приводил в подтверждение слова В.Г.Белинского: «Не хлопочите о воплощении идеи; если вы поэт – в ваших созданиях будет идея даже без вашего ведома». Безусловно, Василий Прокофьевич был далёк от мысли претендовать на звание поэта или писателя. Он просто вложил в своё детище всю душу и многие, многие годы своей жизни. В общем, он писал, следуя завету своего любимого поэта: Описывай, не мудрствуя лукаво, Всё то, чему свидетель в жизни будешь.

Книга «По волнам судьбы» - это подобие семейной хроники. Красной нитью проходят по ней разные перипетии главного героя, его личная судьба, переплетённая с историческими событиями первой половины 20-го века. Отец не был борцом. Это видно из его воспоминаний. Он был простым русским человеком, который очень любил свою Родину, Россию, и свой родной Тихий Дон. Он хотел спокойно жить, любить, растить детей, заниматься любимым делом. Но судьба распорядилась так, что на его долю достались тяготы первой мировой войны, две революции – Февральская и Октябрьская, гражданская война, коллективизация, сталинские лагеря. Последнее особенно повлияло на него. Он не посмел написать всю правду о годах, проведенных в заключении. Не будем судить его за это. Ведь отец писал книгу в советское время и очень хотел, чтобы она ещё при его жизни увидела свет. Но ему в этом было отказано. И вот сейчас такая возможность представилась. И пусть эта книга написана не пером маститого писателя, но всё описанное в ней – наша история. Отец закончил свой труд в конце шестидесятых годов. Скоропостижная смерть нашей матери, любимой жены Василия Прокофьевича, очень подорвала его здоровье. Работая сейчас над рукописью отца, я вижу, как многое он не успел дописать. Очень жаль, что скупо описаны последние 17 лет его вольнонаёмной жизни на Колыме. Но что теперь горевать?! Главное, в этом повествовании то, что глазами очевидца воссозданы картины мирной жизни и исторические события на Дону первой половины уже прошлого века. Здесь я хочу привести отрывок из письма Василия Прокофьевича, которое я нашла в его архиве, и адресованного нам, его детям, где он рассказывает, как зародилась идея написать данное повествование:

«…Вам посчастливилось жить в совершенно другое время, без страха за завтрашний день, без страха за свою судьбу и судьбу своих детей. Наше же поколение испытало на себе все невзгоды и потрясения, которые выпали на долю великой нашей Родины в первой половине двадцатого века. Четыре войны: Русско-Японская 1904-1905 годов, первая мировая, кровопролитнейшая, беспощаднейшая, братоубийственная бойня 1918-1920 годов, три революции – 1905 года, Февральская и Октябрьская 1917 года,

коллективизация сельского хозяйства, потрясшая вековые уклады старого, патриархального быта земледельцев. Родившись на юге России, в бывшей области Войска Донского, где политикой самодержавия образовался более или менее материально обеспеченный привилегированный слой населения - казачество, ставшее надёжной опорой существующего строя и врагом всяких революций, я попал в круговорот революционных событий как невольный противник наступающей новой эры в истории не только России, но и всего человечества. В силу этого всю гражданскую войну я провёл во враждебном революции лагере. Ещё со школьных лет влечение к ведению различного рода записей событий не только в моей личной жизни, но и выдающихся исторических явлений не покидало меня и в зрелые годы. Записи эти я вёл в виде дневников, где аккуратно, в хронологическом порядке записывал всё, чему был свидетелем или участником нашей богатой событиями эпохи. Особенно обширный материал дали мне бурные 1917-1920 годы. В дневниках моих фигурировали также и исторические лица, с которыми мне довелось прямо или косвенно столкнуться в жизни. Дневников этих скопилось довольно много. Но вот наступил 30-й год. Над нашей семьёй несправедливо навис Дамоклов меч. Меня арестовали. Связка дневников со строгим наказом: «Ни в коем случае не трогать и сохранить, чтобы ни случилось», - была водворена в комод тёщи и чудом сохранилась у неё, никогда и никуда не выезжавшей из станицы. Через двадцать три года, после моих лагерей, после того, как над нашей страной пронёсся ураган войны, эта драгоценная связка была мне вручена моим шурином, оставленным мною девятилетним мальчиком, а теперь уже возмужавшим и прошедшим всю войну мужем в чине старшего лейтенанта. Перелистывая эти пожелтевшие тетрадные листки, я, было, хотел уже связать их вновь и забросить на чердак. Но от нахлынувших воспоминаний вдруг защемило сердце. На меня повеяло милым далёким прошлым, бесшабашной молодостью, невозвратимыми днями. Я долго сидел над разворошённым моим архивом, и мне так стало жаль предавать свои воспоминания чердачному забвению, что я решил разобрать записи в хронологической последовательности, систематизировать их в одно связующее целое и… написать книгу, книгу о простом русском человеке. Я отчётливо представлял себе, какую непосильную ношу беру на свои плечи, не обладая совершенно ни знаниями в этой области, ни навыками, не имея специального образования. После долгих раздумий я решил писать для себя, для моих потомков, чтобы они знали, как жили их отцы и деды. И с первого же заложенного в машинку листа участь моя была решена. Я прокорпел над своей книгой почти двадцать лет, и из-под моего пера, то есть не пера, а машинки, вышла семейная хроника простого человека. Эти годы порой были радостны, порой мучительны чуть ли не до физической боли. Порой я забывал про сон и еду, вдохновение сменялось полнейшим отсутствием мыслей. В день я иногда писал до десятка страниц, а иногда целыми неделями не писал ничего. Но я не отступил, пока не довёл дело до конца, а какого – скажут непосредственные потомки, а может быть, и читатели. В моей повести описаны только действительные события, очевидцем которых, а иногда и действующим лицом, я был лично сам. Кое-где, правда, приведены эпизоды без моего участия, но одни из них взяты из исторических источников, а некоторые записаны с рассказов лиц, непосредственных свидетелей или участников этих событий. Моим читателям, если таковые будут, а если не будут, то потомкам, покажется странным и лишённым реализма то, что почти все словесные выражения персонажей моего труда приближены к современному русскому языку, в то время, когда в станицах ни теперь так не говорят, ни, тем более, тогда, в описываемые периоды. Но я это сделал сознательно, оставив для выразительности только наиболее колоритные слова и обороты речи. Остальное же приблизил к современному разговорному языку, так как, если бы я построил речь своих действующих лиц на станичном диалекте, мне пришлось бы объяснять чуть ли не каждое второе слово. Очень хочу, чтобы мой многолетний труд не пропал даром. Если мне при жизни не удалось издать моё произведение, то, надеюсь, мои дети не предадут его забвению. Возможно, настанут другие времена, и переработанное более грамотными

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

моими потомками моё детище станет достоянием читателей». И вот это время настало. И мы, дети и внуки Василия Прокофьевича, выполняем завещание нашего отца и деда и хотим сохранить для потомков подлинные сведения, откуда берут начало наш род, наши корни. А ведь это так важно – не забывать своих предков и хоть изредка молча постоять на том месте, где сотни лет тому назад стояли кресты над их могилами. И пусть не сохранились могильные холмики – трудная у России была жизнь все эти годы, - пусть не сохранились кресты над их могилами, память о них – в наших сердцах. И за то, что память эту сохранил, прими, папа, низкий поклон от всех нас, твоих близких и далёких родственников.

З.В. Мусатова (Запорожцева).

Любимой подруге жизни
Зинаиде Стефановне посвящаю.

Семейная хроника

Пролог

Преданья старины глубокой
А.С. Пушкин

Запорожскому казаку Семёну Довбне было двадцать два года, когда отцу его, Остапу Довбне, куренному атаману Брюховецкого хутора Запорожской Сечи, упразднённой указом Екатерины Второй, было приказано собираться со своим куренём (здесь: отдельная часть Запорожского войска), с семьями, со всем домашним скарбом и скотом переселяться на далёкую, неведомую Кубань, во вновь организуемое Черноморское войско.

Плач и смятение стояли в то августовское утро в тихом, безмятежном приднепровском селе Долынке – место жительства семей этого куреня. Причитали казачки, плакали дети, вздыхали старики. Испуганный необычной суетой людей тревожно ревел скот. В это утро его не выпустили на привычное пастбище. Со стороны церкви доносился погребальный звон колоколов. А у шинка, будто бы ничего особенного не предвиделось, горланили песни подвыпившие, беспечные запорожцы.

После печальной панихиды, отслуженной сельским батюшкой на кладбище, после прощания с могилами предков и напутственного молебна за селом, огромный обоз, понукаемый царскими вартовыми и под их конвоем, и громадный гурт скота, вздымая целые тучи знойной пыли, выбрался на чумацкий шлях и взял направление на восток, в

обход Азовского моря. Этот шлях многим казакам был знаком: по нему им чумаки возили на Дон из Крыма соль, а с Дона на Украину – донскую рыбу.

Теплым сентябрьским вечером 1792 года, сделав по жарким и пыльным дорогам недавно отвоёванной у турок Северной Таврии почти четырёхсотвёрстный переход, Брюховецкий табор вступил в пределы Бессергеневского юрта (земельный надел в казачьих станицах, хуторах) земли Войска Донского и расположился на ночлег в лугу между двух речек – Варгункой и Аксаем, в виду станицы, против громадной дачи богатой и знатной семьи Сулиных, глава которой Семён Никитич Сулин, участник Семилетней войны и взятия Берлина, ходил не так давно, в 1773-1774 годах, в войсковых наказных атаманах Донского Войска.

Местность для остановки табора после такого изнурительного двадцатидневного перехода как нельзя лучше подходила отдыху как людей, так и животных – близость жилья, прекрасное пастбище, две реки. До конца пути оставалось ещё около двух недель, поэтому атаман табора, посоветовавшись со старшинами и заручившись согласием начальника варты, распорядился остановиться тут не только для ночлега, но и на трёхдневный отдых, чтобы привести в порядок себя и дать передышку изнуренному таким длительным переходом скоту.

По команде матерей дети начали собирать сухой скотский помёт – кизяки. Загорелись костры. Сладко и аппетитно запахло дымом. Над таганками (треножник, к которому подвешивается котёл) забурлили котлы с кулешом. Молодежь поила уставший скот. Над табором повис ярмарочный шум и гомон. Кое-где послышались звуки бандур.

Появление большой группы чужих людей привлекло внимание жителей расположенной на горе донской станицы, и скоро табор окружили любопытные аборигены, в числе которых оказались жившие летом на даче представительницы прекрасного пола из семьи Сулиных. Ахнув от удивления и неожиданности, одна из них не спускала глаз с бравого, чернобрового запорожца в широченных синих штанах с широким красным поясом, в чёботах с короткими голяшками, в холщовой, вышитой по широкой манишке крестиком рубашке и, несмотря на жару, в высокой бараньей шапке с зелёным шлыком. А он, в свою очередь, не мог оторвать глаз от чудного видения в белом городском платье и огромной соломенной шляпе. Две тёмно-русые, толщиною в руку, косы, ниспадая ниже пояса, довершали прелесть этого живого изваяния.

В результате этого на сцену выступила всепобеждающая, не знающая никаких преград, свойственная и богатым и бедным, царям и простолюдинам, животным и растениям, сила, благодаря которой возникали и исчезали царства, загорались и потухали войны, во имя которой люди шли на подвиги, погибали, делались героями, сила, которой обязано своим появлением на свет всё живое во главе с человеком, имя которой - любовь.

О том, как эти юные создания совершенно разных положений в обществе сговорились между собой, предание не говорит. О том, любил ли кого до этой встречи молодой запорожец и вздыхала ли по ком юная Венера, предание тоже ничего не говорит. Но известно, что когда на четвёртый день табор стал сниматься со стоянки, чтобы продолжить свой путь дальше, его задержали станичные власти и произвели в нем обыск. К немалому удивлению и коренных станичников, и всего кочующего курения в одной из кибиток куренного атамана обнаружили переодетой в запорожское мужское платье юную Елену Прекрасную из рода Сулиных.

Взбешенный дед, презрев своё звание, возраст и бывшее положение, тут же при всех отколотил любимую внучку и, доведя её за косы до двора, приказал запереть в чулан и держать под замком до тех пор, пока никем не выданный Парис не скроется со своим табором за задонскими далями. Слишком уж беспрецедентным был этот случай не только в роду Сулиных, но и в окружающей этот род среде. И слишком уж была большая разница в положениях – он простой, никому не известный казак, холоп, а она дворянская дочь, внучка бывшего донского атамана.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Весной следующего года эконом дачи нанимал на церковной площади сезонных рабочих из пришлых. При обходе этих понурых, уставших людей в зипунах и лаптях, наперебой предлагавших свои услуги, он обратил внимание на рослого, широкоплечего парня в украинской свитке, с котомкой в одной руке и холщовым чехлом в другой, из которого наполовину высовывался гриф бандуры. Скромный и застенчивый украинец, не торгуясь, согласился на все предложенные условия: срок до Михайлова дня (8 ноября ст. ст.), денег - рубль с полтиной в месяц, харчи – хозяйские, из обуви – сапоги. Работа любая.

С первых же дней новый работник, который назвался Семёном, произвел на блюстителя хозяйского добра самое благоприятное впечатление. Безропотно, добросовестно и умело он выполнял любые, самые тяжёлые и чёрные работы. По праздникам же или в редкие свободные вечера он доставал из чехла свою бандуру и тихо под её аккомпанемент, сидя на завалинке людской, выводил грустные украинские мелодии про походы запорожских казаков, про турецкую неволю, про кичливую Польшу. У него был приятный баритон, и вокруг него всегда собиралась толпа внимательных слушателей не только из обитателей Сулиновской дачи. Послушать печальные, хватающие за душу напевы странного пришельца, который никуда не ходил, знакомства ни с кем не водил, корчму не посещал, спал где попало, ел, что дадут, спускались с горы, из станицы, не только молодёжь, но и старики.

Однажды, в конце июня, когда полая вода уже вошла в берега и время близилось к сенокосу, эконом, приехав из Черкасска (тогда столица Дона, теперь станица Старочеркасская), куда он время от времени ездил за получением от Сулиных хозяйственных распоряжений, приказал всем трём работникам дачи отставить все дела и привести в первую очередь в порядок сад – выполоть, вычистить, подровнять и посыпать песком дорожки,а на Варгунке поставить купальню, разобранные детали которой по случаю половодья лежали в саду. На днях из Черкасска должна была приехать на всё лето женская половина семьи Сулиных.

Надо было видеть, с каким усердием трудился в эти дни Семён. Он поспевал повсюду – и на дорожках, и на купальне, и в самом саду, и во дворе. А через неделю и сад, и Варгунка огласились девичьим смехом, криками, плеском воды, визгом.

А ещё недели через три весёлая и шумная дача Сулиных была поражена больше, чем если бы в июльскую жару вдруг выпал снег. В одно знаменательное для двоих, но до ужаса неприятное для остальных обитателей дачи утро работник Семён и средняя из трёх внучек Семёна Никитича Сулина пали на колени перед матерью и объявили, что они со вчерашнего дня обвенчаны, теперь они муж и жена и просят довести до сведения дедушки и батюшки в Черкасск.

Потрясённая мать сначала не поверила, а потом, поняв всю непоправимость свершившегося, слегла в постель от горя, но больше всего от страха перед свёкром и мужем. А перепуганный эконом в отчаянии, ужасе и гневе на сумасбродную пару, не ожидая для себя ничего хорошего, немедленно помчался в Черкасск на доклад к «самому». На другой день весь в синяках и ссадинах он возвратился вместе с дедушкой и батюшкой дерзкой своевольницы.

Первым делом была избита ни в чём не повинная мать, виновница отстёгана плетью и водворена в тот же чулан, что и в прошлом году, под замок. Потом разыскали и привели пред грозные очи главного виновника переполоха – зятя, над которым охрипшие от ярости и неистовой брани дед и тесть собрались учинить жестокую расправу, исполнение которой поручили двум другим работникам дачи – товарищам Семёна и кучеру коляски. Но как только вооруженные арапниками экзекуторы приблизились по команде деда к

Семёну и кинулись валить его на землю, он спокойно и легко отбросил их от себя, отнял арапники и пошёл мимо изумлённых от дерзости родичей за калитку. Попытка спустить на него собак успеха не имела. Привыкшие за три месяца к этому человеку собаки виновато моргали, повизгивали и никак не могли понять, что от них требуется. До их собачьего сознания никак не могло дойти, как это они могут броситься на человека, который всё время был к ним так добр. Мысль призвать на помощь станичные власти была отвергнута - не хотелось широкой огласки.

Между тем эконом в это время притащил сюда не менее перепуганного, чем он сам, пастыря, которого не владеющий собой Сулин-младший схватил за бороду и, тряся его изо всех сил, кричал срывающимся голосом, что он этот брак не признаёт. Не признает как незаконный, заключенный без согласия и воли родителей одной стороны, во-первых, и как брак неравнородный, во- вторых. Что он донесет об этом Воронежскому архиерею (в то время духовенство Дона подчинялось Воронежской епархии) и будет просить не только о расторжении этого брака, но и о расстрижении и лишении сана лица, его совершившего.

Священник плакал и клялся, что в молодых людях, которые попросили его вчера вечером их обвенчать, он не узнал его дочери, так как помимо того, что он плохо её знал, она ещё была в одежде простой казачки. Что такие браки приходится совершать довольно часто, что он никогда ничего подобного и думать даже не смел и что он узнал об этом лишь только тогда, когда отец диакон начал после венчания заносить в шнуровую книгу имена бракосочетавшихся. Узнал и ужаснулся, но было уже непоправимо: кого соединил Господь, того уже не в силах разъединить человек!

Всё это было так, но, стеная, батюшка благоразумно умолчал о том, что его в этом деле больше всего попутали предложенные женихом десять червонцев.

Наконец, когда припадок сильной ярости стал проходить, Сулин-старший понял, что дело действительно непоправимо, а если и поправимо, то будет стоить громадных хлопот, денег и разъездов. Сообразив, что дело может дойти до Сената в Санкт-Петербурге, он махнул рукой и удалился с сыном в горницу, приказав никого туда не пускать.

Просидев с сыном наедине до вечера, старик вышел и приказал заложить коляску, на которой уехал в ночь в Черкасск, оставив сына в той же комнате.

3

За всю ночь ни на одну минуту не сомкнул глаз гордый Пётр Семёнович. Он или сидел, не шевелясь, в глубоком раздумье, или вставал и ходил по комнате, ломал руки и тяжело вздыхал:

-О Боже! Какой позор! Какой позор!

За всю ночь он никого к себе не подпустил и ничего себе не потребовал.

Под утро мать, слыша через стену горестные вздохи мужа, пыталась, было, войти к нему, чтобы хоть немного успокоить его, посоветоваться, узнать его дальнейшие действия, но он с досадой отмахнулся и молча указал на дверь.

Настало утро. Шёпотом снаряжал на работу двух работников эконом. Третьего нигде видно не было, да его и не пытались искать. Эконом дорого бы дал за то, чтобы наделавший ему столько хлопот проклятый хохол провалился в тартарары. Вошедшая к хозяйке за распоряжением, что готовить к завтраку и обеду, ключница была выслана из комнаты без ответа. Почуяв, что в доме творится что-то неладное, жалобно начали скулить собаки, но вовремя кем-то куда-то были убраны.

После обычных часов завтрака, которого в это утро не было, трепещущая старшая сестра затворницы вошла без стука к отцу и с плачем сообщила, что преступница ничего не желает принимать и заявляет, что она скорее умрёт от голода и жажды, чем нарушит ту клятву, которую она дала перед Богом позавчера вечером в церкви.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Это было неслыханной дерзостью по отношению к отцу со стороны виновницы, но отец, выслушав дочь, устало сказал:

- Оставь меня.

И только к вечеру, чуть приоткрыв из горницы дверь, распорядился:

- Эй, кто там? Послать ко мне эконома!

Трясясь, эконом вырос на пороге немедленно.

- Найми две подводы. В ночь мы должны выехать в Черкасск все, за исключением…Ну да ты меня понимаешь. Если желаешь – едем с нами. Я попрошу отца назначить тебя управляющим нашим Алитубским участком. Не хочешь – оставайся, но только едва ли ты найдешь себе тут хорошую службу. На этой даче работать ты, думаю, наверняка не будешь. Теперь слушай дальше. Где этот подлец? Разыщи и приведи ко мне. Пообещай от моего имени, чтобы не боялся: я не собираюсь об него марать свои руки.

Через некоторое время бледный, но внешне спокойный зять почтительно, но с полным достоинством стоял перед своим тестем.

- Кто ты такой, что осмелился на такую непростительную дерзость?!

- Сэмэн Довбня! Сын куренного атамана Брюховицького куреня Запорожской Сичи – Остапа Довбни.

- Семён? Значит, тёзка деду мерзавки? Сын, говоришь, куренного атамана? Довбня?… Так, так! А где сейчас твой батько?

- На Кубани… Атаман Брюховицького стану. Нас усих, вись Брюховицький курень туда переселила з Украины царица!

- Знаю!…Так, значит, это ты натворил тут в прошлом году делов, а сейчас совсем отличился, мерзавец?!

- Чего ж я такого дурного зробив?

- Молчи! Дураком прикидываешься?!…Ещё хватает наглости заявлять, что ничего плохого в твоём бесстыдном поступке нет! Почему не сделал так, как поступают в таких случаях все порядочные батькины дети? Почему ты не пришёл хотя бы к матери и честно не рассказал ей про ваши намерения?…Почему?

- Бо я гарно знав, що з того ничого не выйде – вона внучка атамана Вийска, а я простой наймит! Кто мэнэ мог повириты, що я сын тиж атамана? Бо в мэнэ ни якой папиры о цем нима, а на чели не написано, кто я такий.

- Так значит, решили по-татарски?!…Хотя, впрочем, с кого спрашивать?…Ну, так слушай же – сделанного вами теперь, к сожалению, уже не переделаешь! Развенчивать вас я не буду - мне такой власти от Бога не дано. Да и к чему?…Всё равно она теперь осрамилась на всю жизнь не только сама, она опозорила всю свою бывшую семью…За этот позор я мог затравить тебя как главного виновника, собаками, арестовать и сгноить в остроге. Я мог просто убить тебя и ничего бы мне за это не было. Я мог проклясть свою дочь-ослушницу, а теперь твою жену!…И не было бы вам счастья ни на этом свете, ни там, на небе! Но я не хочу на старости брать на свою душу ни одного из этих тяжких грехов. А кроме того, мне всё же жаль её как кровь свою…Нынче я смотрю на тебя второй и, думаю, в последний раз. Хочу посмотреть и на неё. И тоже в последний раз!…Эй, кто там?!…Приведите сюда своевольницу и позовите мать!

Бледная, осунувшаяся, но от этого ещё более прекрасная, вошла дочь и стала рядом с мужем.

Долго молчал отец, а потом, взглянув на нее, приказал:

- Подойди ближе!…Слушай меня, непокорная дочь!… Я не благословляю твой союз с этим пришельцем и простолюдином – я не верю, что он такого же происхождения, как и ты. Но я и не проклинаю тебя. Я только отрекаюсь от тебя, своевольница! Я вправе лишить тебя той части наследства, которая принадлежит тебе не только по праву, но и по доброй нашей с дедом воле. И за то, что я тебе сейчас скажу, благодари только деда. Это он мне приказал, а я, как почтительный сын, не смею ослушаться его воли…Оставляю тебе вот только эту дачу с домом и службами, живым и мёртвым имуществом и всё то, что

в доме и на тебе. И больше ничего! …Ты остаешься тут со своим избранником, а мы все – я, мать, твои сёстры и, если пожелает, прислуга уезжаем и отрясаем прах этого владения от ног своих. Ни моя нога, ни нога твоей матери, ни сестёр, ни братьев твоих никогда больше не ступят на эту несчастную для нас с матерью, поруганную тобою, осквернённую твоим самоуправством землю…Запрещаю тебе отныне, пока не засыплюсь могильным прахом (а ты своим поступком только ускорила это), показываться на глаза нам ни в Черкасске, ни в других наших имениях…Не захотела жить в неге и довольстве, пренебрегла равным себе, не пожелала есть готовый хлеб, так теперь узнаешь сама, как он добывается!…Все! …Простись в последний раз с матерью и уйдите оба долой с глаз моих!

Когда дочь и зять после последнего тяжкого прощания вышли, Пётр Семёнович тот же час распорядился послать за станичным атаманом. А сам с помощью кухарки, ключницы и остальных двух дочерей стал приводить в чувство сначала горько плакавшую, а потом потерявшую сознание жену, приказал вынести её на веранду, в тень, на свежий воздух, одновременно предупредив, чтобы виновницу, если она вздумает вернуться к матери, ни на один шаг не допускали к ней. И та, рыдая, только издали наблюдала, как две её сестры и прислуга возились над безвозвратно потерянным любимым существом. Крутой нрав своего отца она хорошо знала.

Запёршись со станичным атаманом в комнате, Пётр Семёнович просидел с ним около часа. О чём они говорили между собой, осталось тайной. Вечером того же дня Пётр Семёнович с женой, дочерьми и эконом с ключницей (кухарка осталась) уехали вечером в Черкасск. А на другой день, несмотря на страдную пору – жатву, вся станица пьянствовала за счёт станичного атамана. И на пьяном станичном сходе по просьбе бывшего Донского Войскового наказного атамана Семёна Никитича Сулина единогласно был принят в донские казаки и в подворные списки станицы его бывший работник, а теперь внук и зять – запорожский казак Семён Остапович Довбня. Был принят он на вечные времена, со всем будущим прямым нисходящим потомством, изменив по казачьему обычаю его запорожскую фамилию на донскую. У донских казаков было в обычае давать принимаемым в свою среду новые фамилии по какому-нибудь национальному или территориальному признаку или происхождению. Поэтому вновь принятому дали фамилию Черкасов – по имени казачьего войска, из которого он происходил, так как запорожских казаков на Дону называли черкасскими, и по имени города, откуда была его молодая жена. Так просил в своём прошении на имя схода Сулин-старший.

4

Итак, отныне в станице Бессергеневской пошёл новый род – род Черкасовых, родоначальник коего пал смертью храбрых в рядах атамана Матвея Ивановича Платова, под Смоленском, 29 октября 1812 года, при изгнании из России Наполеона. А родоначальница, превратившаяся из хрупкой дворянской дочки и городской барышни в дородную казачку-труженицу, научившаяся всем тяжёлым и чёрным работам и не гнушавшаяся ими, окружённая детьми и внуками, жила ещё долго и была на родине за все эти долгие годы только один раз, когда умерла мать.

Будучи отвергнутой дедом, отцом и братьями, она не смела показываться в Черкасск не только в бывший свой дом, но даже и на торги и ярмарки, чтобы не попасться на глаза кому-нибудь из родственников и не быть оскорблённой.

И только не забыла про неё мать.

Однажды, подавая милостыню прохожему страннику, Дарья Петровна услышала от него обращённый к ней вопрос:

- Ты – раба Божия Дарья?

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

- Да!
- Матушка у тебя в Черкасске?
- Да! – ответила Дарья Петровна, и сердце её забилось в сильнейшем волнении.
- Как звать матушку-то?
- Ефросиния!

Странник достал из котомки бронзовый образок святого Николая Чудотворца и протянул ей.

- Вот тебе прислала твоя матушка, а вместе с ним и своё материнское благословение. И перекрестивши её этим образком трижды, странник дал ей его поцеловать и вложил в руки.

Потрясённая до потери сознания, Дарья Петровна долго и облегчённо плакала. А потом пригласила странника в курень и угощала его всем самым лучшим, что было в доме. Она жадно расспрашивала его о матери, сёстрах, о всех близких. Странник был осведомлен о жизни Сулиных в Черкасске так, словно был их семьянином, и Дарья Петровна, слушая его рассказы про свою бывшую семью и прижимая к груди этот знакомый с детства образок, всё время плакала.

И вот, когда умирала мать, последней предсмертной её просьбой к сыновьям (свёкра и мужа уже не было в живых) было привезти отвергнутую, чтобы проститься.

Скрепя сердце, но не смея ослушаться матери, братья послали за сестрой, но было уже поздно - мать в живых она не застала. Поплакав над её гробом и могилой и поклонившись могилам деда и отца, никем не обласканная, не приглашённая даже на поминки, она переночевала у одной из своих бывших подруг детства и на другой день возвратилась домой.

Пережив своего супруга на тридцать шесть лет, Дарья Петровна умерла на руках сына, дочерей и внуков. Перед смертью она просила похоронить её на самом высоком месте своей дачи, откуда в хорошую погоду был виден Черкасский собор, в котором она крестилась и недалеко от которого стоял курень, в котором она родилась и в котором провела свои юные годы.

Воля умершей была выполнена свято. Над могилой Дарьи Петровны был поставлен огромный простой дубовый крест, который, пугая в полночь одиноких прохожих, очень долго стоял почти у самой улицы, в северо-западном углу уже не дачи, а сада главного корня Черкасовых. И как память о былом, сохранились до наших дней несколько древних, битых громами и молниями яблонь, груш и слив да срубленный уже правнуком лежал огромный, аршин в восемь длиной и аршина в полтора толщиной ствол тютины не менее, как пятивековой давности, превратившийся чуть ли не в камень. А казаки станицы по старой дедовской привычке, и по сей день называют старый двор Черкасовых – Сулиным.

5

Двор Черкасовых – ниже «венцов», строго горизонтальных наслоений ракушечника, памятника далёкой геологической эпохи. И там, где сейчас курень Черкасовых, сараи, конюшня и прочие постройки, сложенные большей частью, как и у всех в станице, из плит и лома этого камня, когда-то плескалось море. Наша узкая, кривая улица называется Аксайской, или просто Нижней. Выше этой улицы, на самых «венцах», расположена сама станица с церковью, станичным правлением, лавками и двумя школами – девичьей и ребячьей.

Чтобы выехать из нашей улицы в станицу или проехать в степь, нужно сделать большой объезд. Пешком же можно пройти или через любой двор (это не возбраняется), или узенькими переулочками, соединяющими в одном месте Нижнюю с церковной площадью.

Ниже двора, по покатому суглинистому косогору – вишни, абрикосы, тютина, кусты крыжовника, могучий старый караич (карагач), джунгли дерезы (кустарниковое растение), где водятся змеи и несутся недисциплинированные куры. Ещё ниже – виноградные кусты, среди которых там и сям высятся несколько старых груш, яблонь и слив. Тут же, у подножия косогора, - колодец с древним, замшелым зеленью дубовым срубом и с чистой, как слеза, холодной и вкусной водой.

Потом косогор переходит в заливаемую весенним половодьем музгу (пересыхающее болото). За музгой – вековые вязы и вербы с грачиными гнёздами, а за ними – тихие, обросшие тальником и осокой плёсы Варгунки, а за ней Аксая – бывшие доисторические русла Танаиса (Дона), пересыхающие летом в нескольких местах.

С севера к станице подступают бурунами правобережные придонские степи. И на последнем буруне, самом большом и самом высоком, в версте от станицы, высится древняя могила какого-то могущественного скифа – «Большой Курган». Если взойти на него и посмотреть кругом, Дон и его пойма видны отсюда на многие десятки вёрст. Неоглядная даль займища вся испещрена заросшими чаканом, осокой, тальником, ериками, озёрами, лиманами и протоками, огромными гаями камыша, стогами сена, кущами верб. А по изломанной линии прибрежных вербовых дубрав можно догадаться, что это течёт державный хозяин этих степей – Тихий Дон.

За Доном, прямо на юг, виднеются крыши куреней (здесь: жилой дом в казачьих станицах на Дону) и колокольня станицы Багаевской. Налево от неё, по берегу задонской поймы, тянутся рядом, как солдаты в строю, хутора. Направо, господствуя над крышами домов, высится шпиль колокольни станицы Маныческой. А ещё правее видны высокие тополя и между ними и над ними возвышаются купола старинного Собора станицы Старочеркасской, бывшего стольного града Войска Донского – Черкасска.

У подножия кургана, начиная от станицы Бессергеневской и до самой станицы Мелиховской, которая расположена на берегу Дона, вдоль Аксая, тянется беспрерывный массив виноградников. На западной окраине станицы Аксайские бугры, на которых расположена станица, понижаются и кончаются у неглубокой Грековой балки. За балкой начинается утопающая в вишнёвых садах станица Заплавская. За Заплавской, через Кадамовскую долину, в пятнадцати верстах – пригород Новочеркасска, станица Кривянская. А за нею, на Бирючекутских холмах, весь в зелени садов, бульваров, скверов – сам Новочеркасск, новая столица Дона, с громадой красавца Собора, ослепляющего глаза жаром золота семи своих куполов на сотни вёрст кругом. От Собора прямыми стрелами расходятся улицы с домами, церквями, различными заведениями, из которых особо выделяются кадетский корпус и женское епархиальное училище. Внизу виден ажурный железнодорожный мост через реку Тузлов.

За городом, прерванные Кадамовской долиной, опять продолжаются Аксайские бугры, мимо которых, отстав у Бессергеневки и пристав вновь у Новочеркасска, течёт Аксай дальше и под Ростовом впадает в Дон.

На север от Кургана – массив заплавских виноградников вдоль степной речки Кадамовки, бесчисленные макушки степных курганов, а ещё дальше – терриконы угольных копей донского капиталиста Парамонова. С Кургана днём они похожи на египетские пирамиды. Неглупый был, по-видимому, этот скифский или сарматский вождь, если выбрал себе такое исключительное место вечного успокоения. Неглупы были и основатели станицы; с её «венцов» такой же величественный кругозор, исключая северную сторону.

А над всем этим – лазурное небо, парящий в поднебесье коршун и белые, как вата, хлопья облаков.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com

Лет четыреста тому назад станица Бессергеневская была расположена на левом берегу Дона. Там и сейчас ещё видны следы прямоугольников, рвов, валяются обломки камня-ракушечника, что к естественному происхождению чего отнести никак нельзя. Место это называется «горелое».

Ежегодные весенние разливы Дона затопляли станицу месяца на два, три – с марта и почти по июль – и препятствовали дальнейшему её росту. Поэтому в начале семисотых годов станица была перенесена на правый, более высокий берег, версты на четыре выше по течению от прежнего места. Немало поспособствовал этому переселению и случившийся, по-видимому, большой пожар станицы, когда уже не было никакого смысла вновь отстраиваться на старом месте.

Станица продолжала разрастаться и на новом месте. И узкой прибрежной, более возвышенной благодаря речному наносу, полосы, которую обжили переселенцы, уже тоже не стало хватать. Не хватало места для живых, не говоря уже о покойниках. Их ещё из старого поселения вывозили хоронить на ближайшие Аксайские бугры и, в частности, на место, где впоследствии была дача Сулиных, а потом сад Черкасовых.

Копая век спустя по голым Аксайским буграм лунки под различные посадки, потомки бессергеневцев часто натыкались на истлевшие гробы, черепа и кости. В страхе крестясь, они спешили скорее зарыть обратно прах своих предков и никаких посадок на этом месте уже не производили.

Ежегодные разливы, закономерно и размеренно повторяющиеся из года в год, всё теснили и теснили станичников и в конце концов поставили их перед необходимостью переселения на более высокие места, не затапливаемые никакими водами в течение круглого года.

Если раньше казаки вынуждены были селиться по берегам рек в разных зарослях в целях маскировки своих жилищ от набегов полудиких татар-нагайцев, которые делали эти набеги из предгорий Кавказа, то теперь надобность в такой маскировке отпала. Государство Российское, при прямом участии казаков, расширялось и крепло. Неспокойные окраинные кочевники постепенно покорялись России и приручались. Последний их набег на землю Войска Донского был 15 августа 1738 года. В этот день ими была дотла сожжена станица Быстрянская на реке Быстрой, впадающей в Северский Донец. Всё взрослое население станицы, а так же старики, старухи и дети были истреблены, а молодежь угнана в рабство. Это была последняя скорбь Тихого Дона.

Выбор бессергеневцев пал на Аксайские бугры, в четырех верстах от Дона, при разделении Аксая на два рукава – сам Аксай и Варгунку. И станица была перенесена сюда в середине восемнадцатого столетия. Со станицей перекочевала и деревянная церковь. Если верить преданию, церковь эта имеет своё историческое прошлое, связанное с победами русского оружия над иностранными посягателями на исконно русские земли.

Проплывая по Дону в июне 1696 года со своим флотом под Азов, Пётр Великий сделал привал в Бессергеневском городище, когда оно ещё было на левом берегу Дона. С почестями, колокольным звоном и торжественным молебном о даровании русскому оружию победы встретили царя бессергеневцы в местной, сплетённой из тальника и обмазанной глиною бедной церквушке. Царь поразился её убожеству и, якобы, тут же дал обещание подарить станице в случае победы над турками и взятия Азова самую лучшую деревянную православную церковь из освобождённого города.

Нужно сказать, что со времени княжения Великого Киевского князя Владимира Святославовича Азов почти постоянно, до 1471 года, находился под властью русских князей. Этим и объясняется большое наличие в городе православных церквей, сохранившихся благодаря благородной особенности турок – их веротерпимости.

Когда в июле 1696 года Азов был взят, царь обещание своё выполнил. Пожертвованная бессергеневцам церковь святой Троицы была разобрана, перевезена в городище и здесь собрана вновь. Затем её перенесли на бугры. Надо полагать, что эта небольшая, деревянная, из крепкого мореного дуба церквушка не могла долго

удовлетворять религиозные нужды увеличивающегося с каждым годом населения станицы, и в шестидесятых годах девятнадцатого столетия бессергеневцы стали строить себе новую, каменную, которая, по некоторым данным, и была закончена в 1879 году. Деревянную же, азовскую, станица подарила своему хутору Ягодинке, что под Шахтами. Церковь эта стоит там до сих пор.

По зажиточности станица Бессергеневская относилась к разряду средних станиц Дона, хотя и обладала огромным количеством земли.

Генеральным размежеванием по указу Екатерины Второй в 1793 году станица была наделена пятьюдесятью тысячами десятин всей удобной и неудобной земли и водных угодий из четырнадцати с половиною миллионов десятин, нарезанных этим размежеванием для всей земли Войска Донского на 140 станиц войска. Сюда входили распашная земля, толока, плавни Дона и его протоки с камышами, вербами, озёрами и музгами, а также и сам Дон. Эти пятьдесят тысяч десятин бессергеневской земли, называвшиеся станичным юртом, формой прямоугольника, около восьмидесяти вёрст длиной и до восьми вёрст шириной тянулись с северо-запада, начиная от угольных копей известного донского углепромышленника Парамонова от хутора Сидорово-Кадамовского по направлению на юго-восток и, пересекаясь посредине с Доном, заканчивались в задонских степях хутором Верхне-Солёным.

Размещено на сайте «Казачество 15-21 вв.» www.cossackdom.com